

«М.А. Гендельманның 110 жылдығына арналған «Сейфуллин оқулары – 19» халықаралық ғылыми-практикалық конференциясының материалдары = Материалы международной научно-практической конференции «Сейфуллинские чтения – 19», посвященной 110 - летию М.А. Гендельмана» - 2023.- Т.І, Ч.ІІІ.- С. 19-23.

УДК 343.264:631.611(574) (045)

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ДУХОВЕНСТВА В КАЗАХСТАНЕ (1920-1930-Е ГОДЫ)

*Алтыспаева Г.А., профессор, доктор исторических наук,
Казахский агротехнический исследовательский университет им. С.
Сейфуллина
г. Астана*

Историческую память о репрессиях в отношении духовенства и простых верующих хранят архивные фонды. Изучение репрессивной политики советского государства против духовенства разных конфессий в 1920-1930-е годы основывалось на документальных материалах, отложившиеся в фондах казахстанских архивов. Автором выявлены и изучены директивные указания ВЦИК и распоряжения Центрального административного управления (ЦАУ) по вопросам борьбы с деятельностью мусульманского духовенства, регистрационные карточки на религиозных деятелей, подвергшихся репрессиям, списки «лишенцев» и репрессированных духовных лидеров, списки репрессированных в КарЛАГе. Изучены электронные базы данных о репрессированных, созданные на основе данных архивов ДКНБ РК, размещенные на сайтах. Сайт «Открытый список» содержит информацию о репрессированных по политическим мотивам в период с октября 1917 по 1991 гг., анкетные данные (год и место рождения, дата и причина ареста) представителей духовенства. На сайте «Туркестанская голгофа» размещена база данных о репрессированных священнослужителях и мирянах РПЦ Казахстана и Средней Азии.

Политическая кампания по лишению избирательных прав началась в стране с первых лет победы советской власти. Законодательной базой стали статьи первой Конституции РСФСР, в соответствии с которыми оговаривалась категория граждан, лишенных избирательных прав: «Не избирают и не могут быть избранными монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие не является профессией» [1].

Под категорию «лишенцев» попали служители культов всех конфессий. Статистика по «лишенцам» появляется в архивных документах уже в 1920-х годах. Так, списки лишенных избирательных прав в Кустанайской области насчитывали тысячи фамилий. Среди них были священники и члены их семей, монахи и монахини, рядовые служители церкви (диаконы, певчие, церковные старосты и т.д.), муллы и имамы.

Согласно архивным данным только по 95-ти сельским советам Кустанайской области, без учета г. Кустаная, в 1923 году в списках лишенных избирательных прав числилось более 500 чел. [2]. В Кокчетаве в 1927 г. были лишены избирательных прав 89 человек, из них 7 духовные лица: 4-муэдзина, 3-имама. В Кокчетавском уезде лишены прав 3 ходжи, 149 имамов (Восточная волость – 31, Джиландинская – 16, Ортакшеларская -14, Бостандинская -19, Кокчетавская – 16, Енбекчеларская – 22, Октябрьская – 31) [3].

В 1926-1927 годах в сельских районах Акмолинской губернии лишились избирательных прав 817 служителей религиозных культов, а в городах губернии - 38 [4]. В 1929 г. военным трибуналом КАССР приговорены к разным срокам заключения и лишению избирательных прав более 40 мусульманских служителей Акмолинской области. В г. Акмолинске мулла Ш. Гайнитдинов осужден на 3 года тюремного заключения с поражением прав на 3 года, имам Айткулов - к 8 годам с поражением избирательных прав на 5 лет, мулла И. Удербаев – на 10 лет, с поражением прав на 5 лет, имам А. Джусупов – к 7 годам лишения свободы и избирательных прав на 3 года. В 1937 г. 12 священнослужителей лишены избирательных прав пожизненно [5].

В 1930 г. в Усть-Каменогорске за религиозные убеждения лишились гражданских и избирательных прав 74 чел., в том числе 51 человек – служители религиозного культа, остальные 23 чел. подвергались гонениям за родственные связи со священнослужителями [6].

В период выборных кампаний в 1928–1929 гг. согласно данным Актюбинского окружного отдела лишению избирательных прав подверглись 10 служителей религиозного культа: священники, дьякон, псаломщик, имам, азанчи [7].

Политическая кампания по лишению избирательных прав носила ярко выраженный социальный характер, поскольку «лишенцы» подвергались и социальной секуляризации: их могли уволить с работы, выселить из муниципальных квартир, нередко выселяли из мест постоянно проживания в отдаленные селения, обложить дополнительными налогами. За неуплату налогов их приговаривали к штрафу, а в случае повторной неуплаты лишали свободы. Все имущество арестованных подвергалось конфискации, а их семьи, часто многодетные, оказывались без средств к существованию. Так в 1930-1933 гг. за неуплату налогов были арестованы священники о. Е. Топоров, о. П. Касенков, о. Г. Савин и др. [8]. Подвергались дискриминации и родственники, детей «лишенцев» могли исключить из учебных заведений, ограничивая в правах на образование. Так, в окружной отдел народного образования из рабоче-крестьянской инспекции в секретном порядке поступило досье на учащуюся педтехникума - дочь попа, служившего в Кокчетавском уезде в одной из церквей: «Предлагаем расследовать данный вопрос и принять надлежащие меры. О результатах сообщить» [9].

С конца 1920-х гг. начались широкомасштабные гонения на религию, а пропаганда переросла в открытую борьбу с религиозным мировоззрением.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» стало законодательной базой ужесточения антирелигиозной политики. Внедряя в общественное сознание теорию обострения классовой борьбы по мере строительства социализма и объявив духовенство классовым врагом, советская власть боролась с религией как с «враждебной контрреволюционной силой». Подтекст директивных писем и резолюций партийных органов призывал к решительной антирелигиозной борьбе. Приведем выдержку из резолюции «Об антирелигиозной пропаганде» Казкрайкома РКП (б): «По своей социальной сущности религиозное мусульманское движение приобретает явно антисоветский характер» [10]. В другой резолюции парткомитета говорилось: «...Представители мусульманского духовенства, слишком бурно развернувшие свою деятельность, должны быть изолированы или высланы» [11].

Сектантских деятелей огульно обвиняли в антисоветской деятельности, в подрыве основ социализма и связях с иностранной разведкой, в шпионаже в пользу иностранных государств, во вредительстве и терроризме. В 1930 г. в Риддере были подвергнуты ссылке на 10 лет члены старообрядческой секты, проявившие недовольство советской властью [6]. По сведениям Управления НКВД по Восточно-Казахстанской области в августе 1937 г. была выявлена деятельность «контрреволюционной» немецкой группы 48 человек, среди которых были руководители «религиозно-сектантских групп» «Брокгауз», «Братья в нужде», «Фаст и К⁰» [6].

Подвергались преследованиям и осуждены были на разные сроки исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) бывшие священнослужители. Постановлением Тройки УНКВД по Карагандинской области были осуждены сроком на 10 лет бывший псаломщик Трушин С.М. и бывший священник Попов С.А. [12]. В Акмолинской области к разным срокам заключения в ИТЛ, от 3 до 10 лет, были приговорены священник с. Дмитриевка Щучинского района В. Нетесов, мулла колхоза Кызыл ту П. Сулейменов, мулла с. Коскопа Ж. Токсамбаев, имам Энбекшильдерского района А. Утеулин, поп с. Балкашинское П.П. Усачев, священник с. Ново-Саратовка Л. С. Приходченко, Председатель церковного совета с. Алексеевка Д.Е. Никонов и др. [5]. В Джамбейтинском уезде Букеевской губернии в первом квартале 1928 г. было закрыто 9 мечетей, а муллы преданы суду [13].

Считая, что только административных мер недостаточно, советское государство со второй половины 1930 г. перешло к карательным действиям в отношении верующих. В областных архивах Казахстана можно найти документы, в которых обосновывалась необходимость принятия более жестких мер. Так в протоколе заседания Кустанайского горкома партии от 14 апреля 1937 г. отмечалось: «...В порядке самокритики мы должны признать, что в борьбе с религиозными элементами мы пока действуем административными мерами, что, безусловно, не дает положительных результатов...» [2].

Свидетельством начала новой волны репрессий является расправа со священнослужителями общины Кладбищенской церкви в Кустанае. В городе к августу 1937 г. церковная жизнь сохранялась только в небольшой церкви на

городском кладбище. Церковная община состояла из служителей храма, монахинь закрытого женского Иверского монастыря и нескольких прихожан. До начала арестов 1937 г. органами власти уже проводилась слежка за церковной общиной. К августу 1937 года уже был готов список лиц, подлежащих к аресту. Он включал несколько десятков фамилий из числа наиболее активных священников, монахинь и мирян церкви. Аресты церковников в г. Кустанае начались в конце августа 1937 года. Всего по делу церковников Кладбищенской церкви было репрессировано 39 человек, 32 из которых приговорены к расстрелу [14].

Осенью 1937 г. волна репрессий прокатилась по Семипалатинску. В августе в области было арестовано 17 священнослужителей, в том числе служители Воскресенской церкви: протоирей Б. Герасимов, священники В. Климов, К. Черепанов, Н. Панин, А. Гладких, Ф. Чичканов. Все их обвиняли в контрреволюционной деятельности, и постановлением «тройки» Управления НКВД от 19 ноября 1937 г. были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение [15].

Подверглись гонениям, преследованию и впоследствии были расстреляны православные служители Петропавловской губернии, выступившие против обновленцев на стороне патриарха Тихона. В 1937 г. расстреляли священника Пророко-Ильинской церкви станицы Лебяжьей Петропавловского уезда И. Домбровского, духовного служащего Вознесенского Собора г. Петропавловска В. Максимова [16]. Решением «тройки» УНКВД 19.09.1937 г. к расстрелу были приговорены мулла колхоза Кзыл ту Акмолинской области М. Исабаев, мулла колхоза Енбекши Акмолинской области И. Удербаяев [5].

Решением «тройки» по Восточно-Казахстанской области 22 октября 1937 г. 20 священнослужителей (Луговцев В., Пикалкин И., Алексеев В., Горбунов Т., Урусов Д. и др.) были подвергнуты высшей мере уголовного наказания - расстрелу. Их обвиняли в том, что они состояли членами организации Церковников и якобы «систематически проводили антисоветскую агитацию, направленную против советской власти, подготавливали кадры для восстания в тылу Советского Союза на случай интервенции». Все они престарелого возраста от 50 до 70 лет, среди них 5 женщин. Какими либо доказательствами их виновности органы НКВД не располагали. В уголовных делах отсутствуют материалы (заявления, донесения), которые могли свидетельствовать об их виновности и стать основанием к возбуждению дела и аресту этих лиц. Доказательства обвинения были получены спустя много дней после ареста и представляли собой исключительно признательные показания арестованных [17]. Лишь по ходатайству родственников в 1957 г. обвинение с них было снято.

Постановлением «тройки» УНКВД в ноябре 1937 г. были приговорены к высшей мере наказания 8 служителей религиозного культа, отбывавшее наказание в КАРЛАГе НКВД. Их обвиняли в том, что, находясь в заключение они «систематически вели среди заключенных контрреволюционную агитацию, направленную на дискредитацию Советской власти и Коммуни-

стической партии» [18]. Список лиц православного духовного звания, заключенных и расстрелянных в КАРЛАГе, составляет 19 чел., среди которых священники, уроженцы разных областей страны [19].

Пик репрессий пришелся на октябрь-декабрь 1937 года. В это время приговоренных к расстрелу было настолько много, что у сотрудников Кустанайского УНКВД случались «ошибки». Так в начале октября 1937 года был ошибочно расстрелян священник И. Ермилов, арестованный в сентябре 1937 года по групповому делу церковников Кладбищенской церкви Кустаная. Из материалов уголовного дела известно, что о. Иоанн, которого обвиняли в антисоветской агитации и религиозной пропаганде, вину свою на следствии не признавал, никаких показаний не давал. Вероятно, за это его посадили в следственный изолятор. Там же находился приговоренный к высшей мере наказания Ф.М. Ермолаев. Члены расстрельной команды перепутали заключенных и на расстрел вместо Ермолаева отвезли священника И. Ермилова [20].

В 1930-е гг. северные области Казахстана стали местом ссылки для многих священнослужителей из центральных областей России. В 1937-1938 гг. в п. Урицкий и п. Боровское Кустанайской области были арестованы ссыльные священнослужители Л.К. Богоявленский, Н. А. Верещагин, Г. М. Кашников, В. И. Емельянов, К. К. Зверев, С. П. Ивановский, С. А. Преображенский, Г. Г. Сидоров, И. П. Смирнов, В.Н. Окунев, А.К. Соколов, Г. Эльтеков [21]. Все они были обвинены в религиозной пропаганде. Свою вину на следствии они не признали и постановлением Кустанайской «тройки» НКВД были приговорены к высшей мере наказания. Аресты и осуждения священнослужителей в Кустанайской области продолжались до весны 1938 года. Были арестованы и расстреляны проживающие в п. Степановка монахини Е. Адаева и С. Юртаева, в п. Владимировка монах В. Хохлов [22].

Таким образом, можно резюмировать, что в Казахстане, как и в стране в целом, репрессивная политика в отношении духовенства началась с первых лет советской власти и по мере утверждения новых социальных отношений только набирала обороты. Обвинения духовенству предъявляли, как правило, по политическим статьям за «антисоветскую контрреволюционную деятельность», по которой выносились расстрельные приговоры. Мусульманское духовенство обвиняли в связях с байством и казахскими националистами. Простых верующих обвиняли в поддержке попов, мулл, в хранение и чтение религиозной литературы. Проводимые церковные молебны, общение священнослужителей с мирянами истолковывались советскими карательными органами как контрреволюционная агитация и были основаниями для уголовного преследования. Репрессии против духовенства всех конфессий, их физическое уничтожение можно рассматривать как перераспределение социальных функций в обществе. Для внедрения в массы коммунистической идеологии необходимо было вытравить из их сознания религиозную духовность, уничтожить религию как мировоззренческую идею.

Список литературы

- 1 1 Государственный архив Джамбульской области (ГАЖО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 785.
- 2 Государственный архив Кустанайской области (ГАКО). Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 141.
- 3 Государственный архив Акмолинской области (ГААО). Ф.1378. Оп.2. Д.180.
- 4 Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 5. Оп. 8. Д. 93.
- 5 Государственный архив г. Астаны (ГАГА). Ф. 32. Оп.2. Д.320.
- 6 Жанбосинова А.С. О деятельности контрреволюционных групп в восточном регионе Казахстана // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сборник статей/ под ред. П. К. Пашковского. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2013. – Вып. 6. – 266 с.
- 7 Государственный архив Актюбинской области (ГААкт.О). Ф. 57. Оп. 1. Д. 21.
- 8 ГАКО. Ф. Р-72. Оп.1. Д.133.
- 9 ГАГА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2.
- 10 Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 347.
- 11 АП РК. Ф 139. Оп. 1 Д. 615.
- 12 Государственный архив Карагандинской области (ГАКар.О). Ф. 731. Оп. 1. Д. 570.
- 13 Alpyspaeva G. A., Abdykarimova Sh. T. Muslim Educational Institutions in Kazakhstan under the Anti-Religious Policy of the Soviet State in the 1920s. [Text] / European Journal of Contemporary Education, -2022. 1– 1(1).– P. 297-307.
- 14 ГАГО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д.181.
- 15 Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО). Ф. 1607. Оп. 2. Д. 26.
- 16 Синяков О., Касенова Р., Ибаев С. Духовное согласие в исторической ретроспективе и становление новой интегральной философии светскости в Северо-Казахстанской области [Текст]: монография. – Петропавловск: КГУ «Центр общественного развития и информации», 2021.–246 с.
- 17 Государственный архив Павлодарской области (ГАПО). Ф. 864. Оп. 1. Д. 788.
- 18 ГАКар.О. Ф. 731. Оп. 1. Д. 491.
- 19 ГАКар.О. Ф. 1678. Оп. 1. Д. 35.
- 20 Туркестанская голгофа. База данных о репрессированных православных священнослужителях и мирянах Средней Азии и Казахстана [Электронный ресурс]. – URL: <https://turkestanskaya-golgofa.info/> (дата обращения 10.02.2023)

21 ГАКО. Ф. Р-237. Оп.1. Д.192.

22 ГАКО. Ф. Р-237. Оп.1. Д.193.